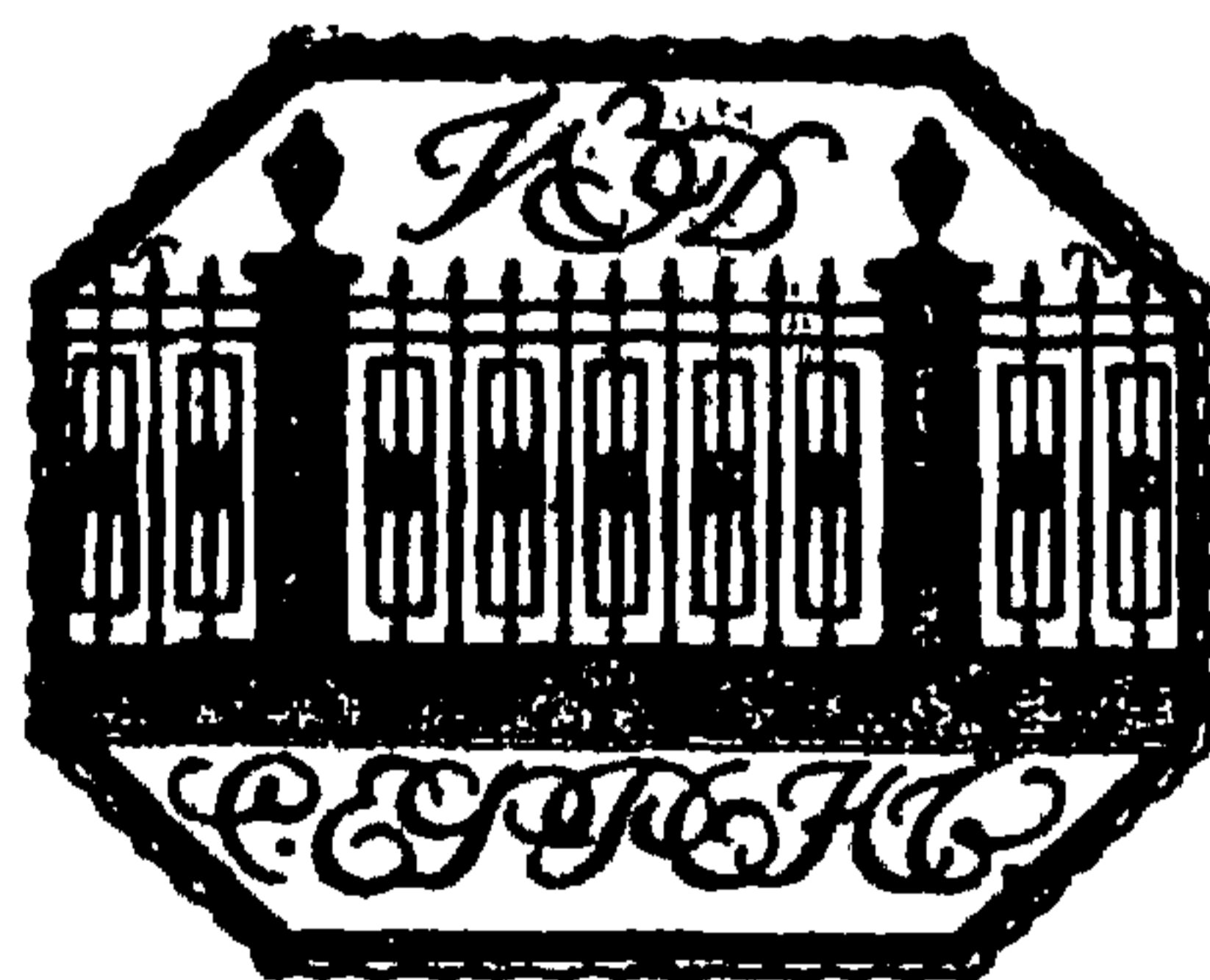
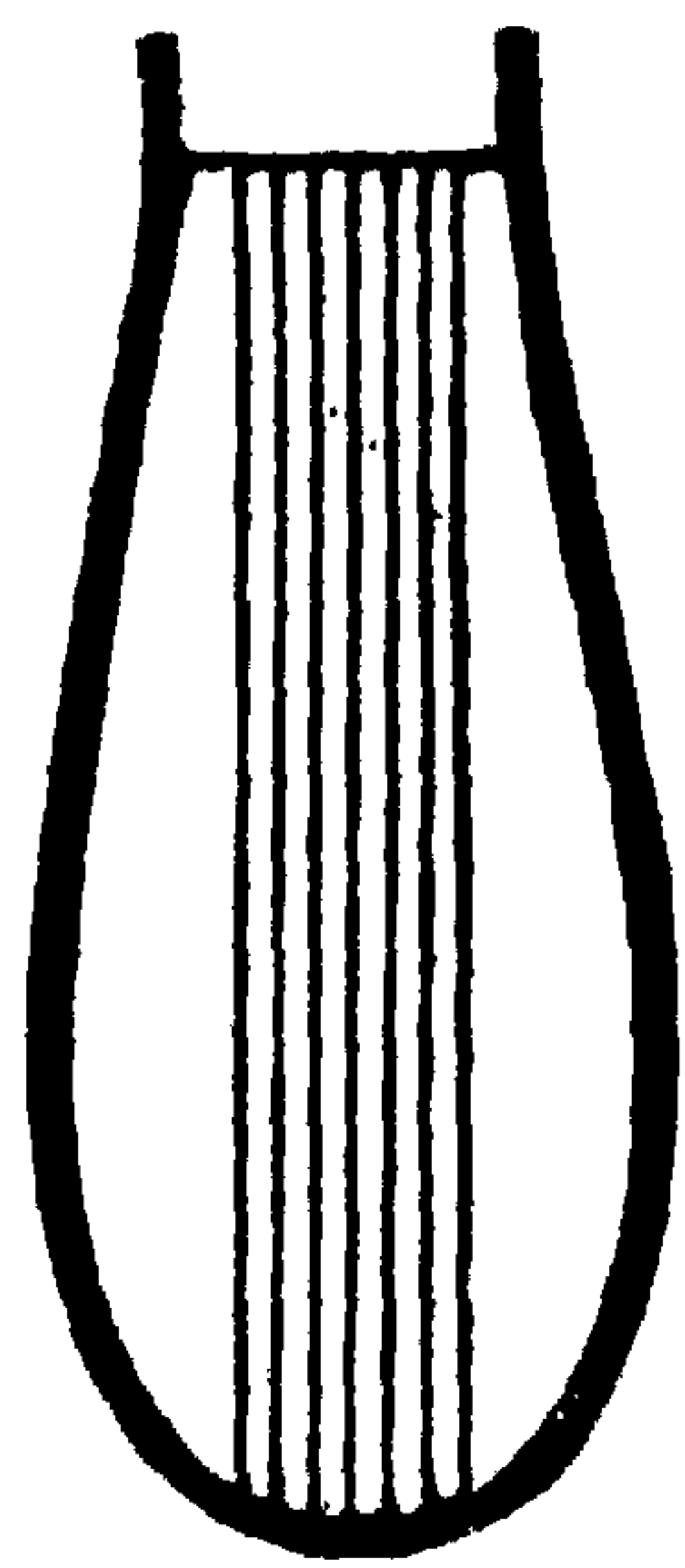

ЦЕХЪ ПОЭТОВЪ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО С. ЕФРОНЪ
БЕРЛИНЪ

**ЦЕХЪ
ПОЭТОВЪ**

Первый цехъ поэтовъ былъ основанъ въ 1911 г. Н. Гумилевымъ и С. Городецкимъ. Въ началѣ многочисленный и пестрый по составу, Цехъ ставилъ своей задачей лишь совмѣстную работу поэтовъ разныхъ направленій надъ усовершенствованіемъ стиха.

Но уже въ теченіе полугодовой работы Цеха ясно опредѣлилась въ немъ группа, вкусы и устемленія которой явились естественной реакціей противъ Академіи Стиха Н. В. Недробово и Вячеслава Иванова. Слово „символизмъ“ потеряло для этой группы свою магическую власть, слышались разговоры о „честности“ въ поэзіи и о „линіи наибольшаго сопротивленія“.

Такъ образовалось ядро цеха — акмеисты и примыкавшіе къ нимъ.

Отпаденіе отъ цеха такихъ поэтовъ, какъ Блокъ не было случайностью. Теряя подлиннаго и значительнаго поэта, Цехъ одновременно утверждалъ своей поэтической и теоретической дѣятельностью искусство, построенное по новымъ законамъ и опирающееся на иное міроощущеніе.

Такъ опредѣлился акмеизмъ и роль перваго Цеха была исчерпана.

Въ концѣ 1920 г. въ Петроградѣ нѣкоторые поэты, въ томъ числѣ и нѣсколько членовъ перваго Цеха, объединились подъ старымъ Цеховымъ знаменемъ.

Въ основу были положены принципы работы и строгой творческой дисциплины.

Основателями второго Цеха были Г. Адамовичъ, Н. Гумилевъ, Георгій Ивановъ, М. Лозинскій и Ник. Оцупъ.

Какъ въ 1913 г. лицо новаго Цеха опредѣлилось не сразу.

Первый альманахъ есть продуктъ цеховой работы періода формированія.

Къ выходу второго альманаха платформа Цеха начала опредѣляться, результатомъ чего явилось рѣзкое сокращеніе числа участниковъ и расширеніе отдѣла полемизирующей критики.

Третій альманахъ открываетъ новый этапъ работы Цеха, уже сформировавшагося въ цѣломъ и главномъ.

Редакціонная коллегія.

Берлинъ, 11 Октября 1922 г.

С Т И Х И

ГЕОРГІЙ АДАМОВИЧЪ

Нѣтъ, ты не говори, поэзія — мечта,
Гдѣ мысль лѣнивая игрой перевита,
И гдѣ плѣняетъ насъ и дышитъ легкій геній
Быстротекущихъ сновъ и нѣжныхъ утѣшеній.
Нѣтъ, долго думай ты и долго ты живи,
Плачь, и земную грусть, и отблески любви,
Дни хмурые, утра, тяжелое похмелье, —
Все въ сердцѣ береги, какъ медленное зелье.
И, можетъ, къ старости, безъ силъ,
ты встрѣтишь срокъ
Пять — шесть произнести
какъ-бы случайныхъ строкъ,
Чтобъ ихъ въ полубреду потомъ
твердилъ влюбленный,
Растерянно шепталъ на казнь приговоренный,
И чтобы музыкой глухой они прошли
По странамъ и морямъ тоскующей земли.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

СФИНКСЪ

Шевельнулась безмолвная сказка пустынь,
Голова поднялась, высока . . .
Задрожали слова оскорбленныхъ богинь
И готовы слетѣть съ языка . . .

Преломилась излучиной гнѣвная бровь,
Зарываются когти въ песокъ . . .
Я постигну забытое слово Любовь,
На забытомъ живомъ языкѣ! . .

Но, готовая врыться въ сыпучій песокъ,
Выпрямляются лапы его . . .
И опять предо мной — только тайный намекъ,
Нераскрытой мечты торжество! . .

Смолкали и говоръ, и шутки,
Входили, главы обнаживъ,
Быль воздухъ туманный и жуткій,
Въ углу раздавался призывъ . . .

Призывъ къ неизвѣстной надеждѣ,
За нимъ — тишина, тишина . . .
Намъ женщина въ черной одеждѣ
Читала, крестясь, письма . . .

А люди, не зная святыни,
Искали на блѣдномъ лицѣ
Тоски объ утраченномъ сынѣ,
Печали о раннемъ концѣ . . .

Она же, собравшись въ дорогу,
Узнала, что живъ ея сынъ,
Что гдѣ-то онъ тянется къ Богу,
Что гдѣ-то онъ плачетъ — одинъ . . .

И только послѣдняя тягость
Осталась: сойти въ его тьму,
Повѣдать великую радость,
Чтобъ стало полегче ему . . .

Н. ГУМИЛЕВЪ

С Л О В О

Въ оный день, когда надъ міромъ новымъ
Богъ склонялъ лицо свое, тогда
Солнце останавливали словомъ,
Словомъ разрушали города.

И орель не взмахивалъ крылами,
Звѣзды жались въ ужасъ къ лунѣ,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало въ вышинѣ.

А для низкой жизни были числа,
Какъ домашній, подъяремный скотъ,
Потому что всѣ оттѣнки смысла
Умное число передаетъ.

Патріархъ съдой, себѣ подъ руку
Покорившій и добро и зло,
Не рѣшаясь обратиться къ звуку,
На песокъ вычерчивалъ число.

Но забыли мы, что осіянно
Только слово средь земныхъ тревогъ,
И въ Евангелии отъ Іоанна
Сказано, что Слово — это Богъ.

Мы ему поставили предѣломъ
Скудные предѣлы естества,
И, какъ пчелы въ ульѣ опустѣломъ,
Дурно пахнутъ мертвыя слова.

Л Ъ С Ъ

Въ томъ лѣсу бѣлесоватые стволы
Выступали неожиданно изъ мглы,
Изъ земли за корнемъ корень выходилъ,
Точно руки обитателей могилъ.
Подъ покровомъ ярко-огненной листвы
Великаны жили, карлики и львы,
И слѣды въ песокѣ видали рыбаки
Шестипалой человѣческой руки.
Никогда сюда тропа не завела
Пѣра Франціи иль Круглаго Стола,
И разбойникъ не гнѣздился здѣсь въ кустахъ,
И пещерки не выкапывалъ монахъ.
Только разъ отсюда въ вечеръ грозовой
Вышла женщина съ кошачьей головой,
Но въ коронѣ изъ литого серебра
И вздыхала и стонала до утра.
И скончалась тихой смертью на зарѣ
Передъ тѣмъ какъ далъ причастье ей кюрэ.

Это было, это было въ тѣ года,
Отъ которыхъ не осталось и слѣда,

Это было, это было въ той странѣ,
О которой не загрезишь и во снѣ.
Я придумалъ это, глядя на твои
Косы-кольца огневѣющей змѣи,
На твои зеленоватые глаза,
Какъ персидская больная бирюза.
Можетъ быть, тотъ лѣсъ — душа твоя,
Можетъ быть, тотъ лѣсъ — любовь моя,
Или, можетъ быть, когда умремъ,
Мы въ тотъ лѣсъ направимся вдвоемъ.

ПОЭМА НАЧАЛА

ДРАКОНЪ

Пѣснь первая

1

Изъ-за свѣжихъ волнь океана
Красный быкъ приподнялъ рога,
И бѣжали лани тумана
Подъ скалистые берега.
Подъ скалистыми берегами
Въ многошумной сырой тѣни
Серебристыми жемчугами
Осѣдали на мохъ они.
Красный быкъ измѣняетъ лица:
Вотъ широко крылья простеръ,
И парить, огромная птица,
Пожирающая просторъ.
Вотъ къ дверямъ голубой кумирни,
Ключъ держа отъ тайнъ и чудесъ,
Онъ восходитъ, стрѣлокъ и лирникъ,
По открытой тропѣ небесъ.
Вѣтры дуйте, чтобъ волны пѣли,
Чтобъ въ лѣсахъ гудѣли стволы,
Войте, вѣтры, въ трубы ущелій,
Возглашая ему хвалы!

Освѣживъ горячее тѣло
Благовонной ночью тьмой,
Вновь берется земля за дѣло
Непонятное ей самой.
Наливаетъ зеленымъ сокомъ
Дѣтски-нѣжные стебли травъ
И багрянымъ, дивно-высокимъ,
Благородное сердце льва.
И, всегда желая иного,
На голодный жаркій песокъ
Проливаетъ снова и снова
И зеленый и красный сокъ.
Съ сотворенья міра стократы,
Умирая, мѣнялся прахъ,
Этотъ камень рычалъ когда-то,
Этотъ плющъ парилъ въ облакахъ,
Убивая и воскрешая,
Набухать вселенской душой,
Въ этомъ воля земли святая,
Непонятная ей самой.

3

Океанъ косматый и сонный,
Отыскавъ надежный упоръ,
Тупо терся губой зеленой
О подножіе Лунныхъ Горъ.
И надъ нимъ стѣною отвѣсной
Разбѣжалась и замерла,
Упираясь въ куполь небесный,
Аметистовая скала.
До глубинъ ночами и днями
Аметистъ свѣтился и цвѣлъ
Многоцвѣтными огоньками,
Точно роемъ веселыхъ пчель.
Потому что свивалъ тамъ кольца,
Вѣковой досыпая сонъ,
Старше водъ и свѣтлѣе солнца
Золоточешуйный драконъ.
И подобной чаши священной
Для вина первозданныхъ силъ
Не носило тѣло вселенной
И Творецъ въ мечтахъ не носилъ.

Пробудился драконъ и поднялъ
Янтари грозovýchъ зрачковъ,
Первый разъ онъ взглянулъ сегодня
Послѣ сна десяти вѣковъ.
И ему не казалось свѣтлымъ
Солнце, юное для людей,
Былъ какъ будто засыпанъ пепломъ
Жаръ пылавшихъ въ морѣ огней.
Но иная радость глубоко
Въ сердцѣ зрѣла, какъ сладкій плодъ,
Онъ почуялъ вѣянье рока,
Милой смерти неслышный летъ.
Говоръ моря и вѣтеръ южный
Заводили пѣсню одну:
— Ты простишься съ землей ненужной
И уйдешь домой, въ тишину.
— О твое усталое тѣло
Притупила жизнь остріе,
Губы смерти нѣжны, и бѣло
Молодое лицо ея.

А съ востока изъ мглы бѣлесой,
Гдѣ въ лѣсу змѣилась тропа,
Превышая вершину лѣса
Ярко-красной повязкой лба,
Пальмъ стройнѣй и крѣпче платановъ,
Неуклоннѣй разлива рѣкъ,
Въ одѣяннѣхъ серебротканнѣхъ
Шель невѣдомый человѣкъ.
Шель одинъ, спокойно и строго
Опуская глаза, какъ тотъ,
Кто давно знакомой дорогой
Много дней и ночей идетъ.
И казалось, земля бѣжала
Подъ его стопы, какъ вода,
Смоляною доской лежала
На груди его борода.
Точно высѣченъ изъ гранита
Ликъ былъ свѣтель, но взглядъ тяжелъ,
— Жрецъ Лемурии, Морадита
Къ золотому дракону шель.

Было страшно, точно безъ брони
Встрѣтитъ мечъ разящій въ упоръ,
Увидать нежданно драконій
И холодный и скользкій взоръ.
Помнилъ жрецъ, что десять столѣтій
Каждый бывшій здѣсь человекъ
Видѣлъ лишь багровыя сѣти
Крокодилыхъ сомкнутыхъ вѣкъ.
Но молчалъ онъ и черной пикой
(У мудрейшихъ водилось такъ)
На песокъ предъ своимъ владыкой
Начерталъ таинственный знакъ:
Точно жезлъ во прахъ лежавшій,
Символь смертнаго естества,
И отвѣсный, обозначающій
Нисхождение божества,
И короткій, межъ нихъ сокрытый,
Точно связь этихъ двухъ міровъ . . .
— Не хотѣлъ открыть Морадита
Звѣрю тайны чудесной словъ.

И драконъ прочель, наклоня
Взоры къ смертному въ первый разъ:
— Есть, владыка, нить золотая,
Что связуетъ тебя и насъ.
— Много лѣтъ я провель во мракѣ,
Постигая смыслъ бытія,
Видишь, знаю святыя знаки,
Что хранить твоя чешуя.
— Отблескъ ихъ отъ солнца до мѣди
Изучилъ я ночью и днемъ,
Я слѣдилъ, какъ во снѣ ты бредилъ,
Переменнымъ горя огнемъ.
— И я знаю, что заповѣднѣй
Этихъ сферъ, и крестовъ, и чашъ,
Пробудившись въ свой день послѣдній
Намъ ты знанье свое отдашь.
Зарожденье, преображенье
И ужасный конецъ міровъ
Ты за ревностное служенье
Отъ своихъ не скроешь жрецовъ.

Засверкали въ отвѣтъ чешуи
На взнесенной мостомъ спинѣ,
Какъ сверкають рѣчныя струи
При склоняющейся лунѣ.
И кусая губы сердито,
подавляя потоки словъ,
Сталь читать на нихъ Морадита
Сочетанье чертъ и крестовъ.
— Развѣ въ мѣрѣ сильныхъ не стало,
Что тебѣ я знанье отдамъ?
Я вручу его розѣ алой,
Водоподамъ и облакамъ;
Я вручу его кряжамъ горнымъ,
Стражамъ коснаго бытія,
Семизвѣздію, въ небѣ черномъ
Изогнувшемуся, какъ я;
Или вѣтру, сыну Удачи,
Что свою прославляетъ мать,
Но не твари съ кровью горячей,
Не умѣющею сверкать! —

Только сухо хрустнула пика,
Переломленная жрецомъ,
Только взоры сверкнули дико
Надъ гранитнымъ его лицомъ
И уставились непреклонно
Въ муть уже потухавшихъ глазъ
Умирающаго дракона,
Повелителя древнихъ расъ.
Человѣчья тѣснила сила
Нестерпимую ей судьбу,
Синей кровью большая жила
Налилась на открытомъ лбу,
Приоткрылись губы и вольно
Прокатился по берегамъ
Голосъ яркій, густой и полный,
Какъ полуденный запахъ пальмъ.
Первый разъ уста человѣка
Говорить осмѣлились днемъ,
Раздалось въ первый разъ отъ вѣка
Запрещенное слово: Омъ!

Солнце вспыхнуло краснымъ жаромъ
И надтреснуло. Метеоръ
Оторвался и легкимъ паромъ
Отъ него рванулся въ просторъ.
Послѣ многихъ тысячелѣтій
Гдѣ-нибудь за Млечнымъ Путемъ.
Онъ расскажетъ встрѣчной кометѣ
О таинственномъ словѣ Омъ.
Океанъ взревѣлъ и взметенный
Отступилъ горой серебра,
Такъ отходить звѣрь, обожженный
Головней людского костра.
Вѣтви лапчатая платановъ,
Распластавшись, легли въ песокъ,
Никакой напоръ урагановъ
Такъ согнуть ихъ досель не могъ.
И звенѣло болью мгновенной
Тонкимъ воздухомъ и огнемъ,
Сотрясая тѣло вселенной,
Заповѣдное слово Омъ.

Содрогнулся драконъ и снова
Устремилъ на пришельца взоръ,
Смерть борола въ немъ силу слова,
Незнакомую до сихъ поръ,
Смерть надежный его союзникъ,
Наплывала издалека,
Какъ мѣха исполинской кузни,
Раздувались его бока.
Когти лапъ въ предсмертномъ томленьи
Бороздили поверхность скалъ,
Но безъ голоса, безъ движенья
Несъ онъ муку свою и ждалъ.
Бѣлый холодъ послѣдней боли
Плавалъ по сердцу и вотъ-вотъ
Отъ сжигающей сердце воли
Человѣческой онъ уйдетъ.
Понялъ жрецъ, что страшна потеря
И что смерти не обмануть,
Поднялъ правую лапу звѣря
И себѣ положилъ на грудь.

Капли крови изъ свѣжей раны
Потекли, красны и теплы,
Какъ ключи на зарѣ багряной
Изъ глубинъ мѣловой скалы.
Дивной перевязью священной
Заалѣли ея струи
На мерцаніи драгоцѣнной
Золотѣющей чешуи.
Точно солнце въ разсвѣтномъ небѣ
Наливался жизнью драконъ,
Крылья рвались по вѣтру, гребень
Пѣтушиный всталъ, обагрень.
И когда безъ словъ, безъ движенья,
Взоромъ жрецъ его вновь спросилъ
О рожденьи, преображеньи
И концѣ первоначальныхъ силъ,
Переливы чешуй далече
Озарили уступы кручь,
Точно голосъ нечеловѣчій
Превращенный изъ звука въ лучъ.

ВСТРѢЧА ОСЕНИ

Съ чернымъ караваемъ,
Съ полотенцемъ бѣлымъ,
Съ хрустальной солонкой
На серебряномъ подносѣ,
Тебя встрѣчаемъ,
Добро' пожаловать,
Матушка осень!
По жнивьямъ обгорѣлымъ,
По шелковымъ озимямъ
Есть гдѣ побаловать
Со стаей звонкой
Лихимъ псарямъ.
Словно становища
Золотой орды,
Отъ напастей и золь
Полей сокровища
Стерегутъ скирды.
И Микулиной силушкѣ
Отдыхъ пришелъ.
Не звякаетъ палица
О сошники,

Къ зазнобѣ милушкѣ
Теперь завалится,
Ни заботы, ни горюшка,
Не зная до зорюшки,
Спать на пуховики.
Что же не побаловать,
Коль довелось.
Добро пожаловать,
Кормилица Осень!
Борзятника-ль барина,
Чья стройная свора
Дрожить на ремнѣ
Какъ стрѣла наготовѣ
Отвѣдать крови —
Радость во мнѣ?
Ногайца-ль татарина,
Степного вора,
Что кличетъ спуская
На красный уловъ
Въ лебединую стаю
Острогрудыхъ соколовъ?
Чья радость — не знаю.
Какъ они на лету
Гикаю — „улюлю,
Ату его, ату!“
И радость такая,
Какъ будто люблю.

1918. Октябрь.

В Ъ М А Ъ

Голубыхъ глубинъ громовая игра
Мая серебряный зыкъ.

Лазурныя зурны грозы.

Солнце, Геліось, Ра

Даждь

И мнѣ златоливень дождь

Молній кровь и радугъ радость!

Подъ березами лежа буду гадать.

Ку-ку... Ку-ку... Кукуй,

Кукушка, мои года.

Только два? Опять замолчала.

Я не хочу умирать. Считай сначала...

Сладостень шелестъ черного шелка

Звѣздоглазой ночи. Пой, соловей,

Лунное соло... Вей

Ручьями нѣгу, розсыпью шелкай!

Дѣвушка, отъ счастья рѣсницы смеживъ,

Яблони цвѣтъ поцѣлуемъ пила...

Брось думать глупости. Перепела:

„Спать пора, спать пора“

— кричатъ съ межи.

ГЕОРГІЙ ИВАНОВЪ

Изъ облака, изъ пѣны розовой,
Зеленой кровью чуть оживлены,
Сады невѣдомаго халифата
Виднѣются въ сіяніи луны.

Тамъ меланхолія, весна, прохлада
И ускользящее серебро.
Всѣ очертанія такого сада,
Какъ будто страусовое перо.

Тамъ очарованная одалиска
Играетъ жемчугомъ издалека,
И въ башню къ узнику скользитъ записка
Изъ клюва розоваго голубка.

Я слышу слабое благоуханье
Прозрачныхъ зарослей и цвѣтниковъ,
И легкой музыки летитъ дыханье
Ко мнѣ, таинственное, съ облаковъ.

Но это длится только мигъ единый,
Вотъ снова комнатная тишина,
Въ горошину кисейныя гардины
И каменоостровская луна.

Мы дышимъ предчувствіемъ снѣга
и первыхъ морозовъ,
Осенней листвы золотая колышится пѣна
А небо пустынно и западъ томительно розовъ,
Какъ нѣжныя губы, что тронуты краской Дорена.

Желанныя губы подкрашены розой заката
И душевные волосы пахнутъ о скошенномъ сѣнѣ
Съ зеленой земли, гдѣ другъ друга
любили когда-то
Мы снова вернулись сюда безнадежныя тѣни.

Шумятъ золотыя пустынные рощи блаженныхъ
Въ стоячей водѣ отражается мѣсяцъ Эреба
И въ душахъ печальная память
о радостяхъ тлѣнныхъ,
О вкусѣ земныхъ поцѣлуевъ, и меда, и хлѣба.

Холодѣетъ осеннее солнце
и съ листвою пожелтѣвшей играетъ,
Колыхаются легкія вѣтки
въ синеватомъ вечернемъ дыму —
Это молодость наша уходитъ,
это наша любовь умираетъ
Улыбаясь прекрасному міру
и не вѣря уже ничему.

М. КУЗМИНЪ

У всѣхъ одинаково бьется,
Но разнo у всѣхъ живетъ.
Сердце, сердце, придется
Вести тебѣ съ небомъ счетъ.
Что значить: „сердечныя муки“?
Что значить: „любви восторгъ“?
Звуки, звуки, звуки
Изъ воздуха воздухъ исторгъ.
Какой же геній налѣпитъ
На слово точный ярлыкъ?
Только слухъ нашъ въ словѣ „трепетъ“
Какой-то трепетъ ловить привыкъ.
Любовь сама вырастаетъ,
Какъ дитя, какъ милый цвѣтокъ,
И часто забываетъ
Про маленькій, мутный истокъ.
Не слѣдилъ ея перемѣны,
И вдругъ, о Боже мой!
Совсѣмъ другіе стѣны,
Когда я пришелъ домой!
Гдѣ бѣгъ коня безъ уздечки,
Капризныхъ бровей заломъ?

Какъ отъ милой, дѣтской печки
Вѣтъ роднымъ тепломъ.
Широки и спокойны струи,
Какъ судоходный Дунай,
Про тѣ, про тѣ поцѣлуй
Лучше не вспоминай!
Я солнце предпочитаю
Зайчикамъ мерклыхъ зеркаль,
Какъ Сауль, я нашель и знаю
Царство, что не искаль.
Спокойно-ль? Ну да, спокойно!
Тепло-ли? Ну да, тепло.
Мудрое сердце достойно,
Вѣрное сердце свѣтло,
Зачѣмъ же я весь холодѣю,
Когда васъ увижу вдругъ?
И то, что выразить смѣю,
Лишь рожденный воздухомъ звукъ?

М. ЛОЗИНСКІЙ

Тебѣ ль не пѣть пѣань хвалебный,
Мой мудрый рокъ, мой другъ волшебный,
Мнѣ давшій сердцемъ позабыть,
Что время перестало быть?
Въ Патмосцѣмъ сказанные годы,
Когда вѣковъ живыя воды
Полыню смертной протекли,
Когда изъ края въ край земли
Подъ чернымъ вѣтромъ несвободы
Свинцовой зыбью шли народы,
Ты опоясалъ Городъ мой
Войной, и голодомъ, и чумой,
Ты облачилъ его каменья
Порфирой дивной запустенья,
И онъ, какъ призракъ, засверкалъ
Во льдахъ магическихъ зеркалъ,
И ты меня, съ больною кровью,
Къ его сіянью пронизалъ
Послѣдней, вѣщею любовью,
И нѣжный, и безумный ядъ
Впивалъ мой обреченный взглядъ,
И я бродилъ по стогнамъ соннымъ,

Какъ бы въ бреду преображеннымъ,
Познавъ впервые благодать
Внимать и видѣть, помнить, ждать.
Тебѣ ль не пѣть пѣань высокій,
Мой мудрый рокъ, мой другъ жестокій,
Мнѣ завѣщавшій каждый день
Вступать въ торжественную сѣнь,
Гдѣ меркнетъ свѣтъ, гдѣ молкнутъ звуки,
Чтобы, пlying надъ тишиной,
Опять прошли передо мной
На литургіи древней муки,
Какъ нерожденная гроза,
Тысячелѣтніе глаза
И съ цѣпью маленькія руки,
Похожія на крикъ разлуки...

1919

О. МАНДЕЛЬШТАМЪ

TRISTIA

Я изучилъ науку разставанья
Въ простоволосыхъ жалобахъ ночныхъ,
Жуютъ волю и длится ожиданье,
Послѣдній часъ вигилій городскихъ.
И чту обрядъ той пѣтушиной ночи,
Когда поднявъ дорожной скорби грузъ,
Глядѣли въ даль заплаканныя очи
И женскій плачь мѣшался съ пѣньемъ музъ.

Кто можетъ знать при словѣ разставанье,
Какая намъ разлука предстоитъ,
Что намъ сулитъ пѣтушье восклицанье,
Когда огонь въ акрополѣ горитъ —
И на зарѣ какой-то новой жизни
Когда въ сѣняхъ лѣниво волю жуесть,
Зачѣмъ пѣтухъ, глашатай новой жизни,
На городской стѣнѣ крылами бьетъ.

И я люблю обыкновенье пряжи,
Снуетъ челнокъ, веретено жужжить,
Смотри: навстрѣчу, словно пухъ лебѣжій,
Уже босая Делія летитъ.
О, нашей жизни скудная основа,
Куда какъ бѣденъ радости языкъ,
Все было встарь, все повторится снова
И сладокъ намъ лишь узнаванья мигъ.

Да будетъ такъ: прозрачная фигурка
На чистомъ блюдѣ глиняномъ лежитъ:
Какъ бѣличья распластанная шкурка,
Склонясь надъ воскомъ, дѣвушка глядитъ.
Не намъ гадать о греческомъ Эребѣ,
Для женщинъ воскъ — что для мужчины мѣдь,
Намъ только въ битвахъ выпадаетъ жребій,
А имъ дано, гадая, умереть.

ЧЕРЕПАХА

На каменныхъ отрогахъ Пиэри
Водили Музы первый хороводъ,
Чтобы, какъ пчелы, лирники слѣпые
Намъ подарили іонійскій медъ.
И холодкомъ повѣяло высокимъ
Отъ выпукло-дѣвическаго лба,
Чтобы раскрылись правнукамъ далекимъ
Архипелага нѣжные гроба.

Бѣжить весна топтать луга Эллады,
Обула Сафо пестрый сапжокъ,
И молоточками куютъ цикады,
Какъ въ пѣсенкѣ поется, перстенекъ.
Высокій домъ построилъ плотникъ дюжій,
На свадьбу всѣхъ передушили куръ,
И растянулъ сапжникъ неуклюжій
На башмаки всѣ пять воловьихъ шкуръ.

Нерасторопна черепаха лира
Едва-едва безпалая ползеть,
Лежить себѣ на солнышкѣ Эпира
Тихонько грѣя золотой животъ.
Ну кто ее такую приласкаетъ?
Кто спящую ее перевернетъ,
Она во снѣ Терпандра ожидаетъ,
Сухихъ перстовъ предчувствуя полеть.

Поить дубы холодная криница,
Простоволосая бѣжить трава,
На радость осамъ пахнетъ медуница,
О гдѣ же вы, святые острова,
Гдѣ не ѣдятъ надломленнаго хлѣба,
Гдѣ только медъ, вино и молоко,
Скрипучій трудъ не омрачаетъ неба
И колесо вращается легко.

С. НЕЛЬДИХЕНЪ

ПРАЗДНИКЪ

— Лабораторія для медицинских
изслѣдованій, —
— Зайду, отдамъ свою кровь изслѣдовать,
Пусть посмотрятъ, изъ чего состоитъ моя кровь;
Конечно, тамъ нѣтъ ни разныхъ спиралей,
ни запятыхъ, ни палочекъ,
Можетъ быть, найдутъ въ ней
что-нибудь новое,
Отъ чего я такой органичный, — величественный,
простой и радостный . . .
Сегодня день моего рожденья;
Мои родители, люди самые обыкновенные,
Держали меня въ комнатахъ
до девятилѣтняго возраста,
Заботились обо мнѣ по-своему,
Не пускали меня на улицу,
Приучили не играть съ дворовыми мальчиками,
А съ моими сестрами сидѣть скромно
у парадной лѣстницы
На холщевыхъ складныхъ табуреткахъ.
Отецъ мой садился рядомъ со мною,
Разсказывалъ неинтересное

Продали за пять рублей

мое пальто гимназическое,

Увезли изъ южнаго города,

Отдали весной въ казенный пансіонъ.

Помню — мои новые товарищи

Меня больно поколотили

За то, что какъ-то сказалъ я,

Совсѣмъ для себя неожиданно,

Что я выше всякаго начальства

И что, по-моему, Бога нѣтъ . . .

Нѣтъ ничего хуже, чѣмъ жизнь въ общежитіи,

Зачѣмъ меня отдали въ казенное зданіе,

Я такъ завидовалъ гуляющимъ гимназистамъ.

Потомъ, — военная служба, то-же общежитіе,

Люди для меня изъ школьныхъ звѣреныхъ

Превратились тогда въ двулапыхъ животныхъ.

Потомъ — война . . . только глупые,

иль корыстные

Могутъ подставлятъ свои лбы подъ гранаты,

Быть героями въ стадныхъ дѣлахъ;

Я, сидя въ окопахъ, однажды не вытерпѣлъ,

Схватилъ револьверъ, обернулъ дуло тряпкою,

Прицѣлился, выстрѣлилъ въ нижнюю часть ноги,

Промахнулся, — отлетѣлъ только сапожный

ремень . . .

А теперь, наконецъ, я свободенъ,

Могу зажить своею жизнью,

Могу носить не казенное платье,

Нужны мнѣ друзья, — люди на меня,
хоть немного, похожіе.

Хочется крикнуть евангельскимъ голосомъ,
Какъ принято, когда хотятъ сказать

торжественное:

— Приидите ко мнѣ всѣ дерзающіе,
Величественные, полнотѣлые, лицомъ

прекрасные,

Свободные и простые,

Разгуливающіе праздно по улицамъ,

Живущіе только для того, чтобы жить!

РОБЕРТЬ ПЕНТЕГЬЮ

Возлѣ церковной ограды домъ,
Живеть въ немъ веселый могильщикъ Томъ
Съ женой своей Ненси и чернымъ котомъ.
Если поють колокола, —
Новая къ Богу душа отошла.
Роетъ могилу веселый Томъ,
Мертвому строить уютный домъ.

Вечеромъ какъ-то могилу онъ рылъ.
Было ужъ поздно, и солнце зашло.
Тому не страшно между могилъ,
Могильное любить онъ ремесло.
Окончивъ работу, идетъ онъ домой
Вполнѣ довольный судьбой такой.
Въ сумеркахъ зимнихъ блеснули огни,
Словно мерцанье церковныхъ свѣчъ.
Томъ прошепталъ: — Господь, сохрани!
Вдругъ онъ услышалъ людскую рѣчь.
Кто-то зоветъ его: Томъ, эй, Томъ!
Въ страхѣ онъ оглянулся кругомъ.
На свѣжей могилѣ усѣлись въ рядъ
Девять котовъ и глаза ихъ горять.

Томъ закричалъ: Кто меня зоветъ?
— Я, — отвѣчаетъ огромный котъ.
Шляпу могильщикъ снимаетъ свою,
Никогда не мѣшаетъ вѣжливымъ быть.
— Чѣмъ, сэръ, могу я вамъ служить?
— Скажите Роберту Пентегью,
Что Молли Грей умерла.
Не бойтесь, вамъ мы не сдѣлаемъ зла.
И съ громкимъ мяуканьемъ девять котовъ
Исчезли въ темной чащѣ кустовъ.
Ненси пряжу прядетъ и Тома ждетъ,
Сонно въ углу мурлычетъ котъ.
Томъ вбѣгая, кричитъ женѣ:
— Ненси, Ненси, что дѣлать мнѣ?
Роберту Пентегью я долженъ сказать,
Что Молли Грей кончила жизнь свою.
Но кто такой Робертъ Пентегью?
И какъ я могу его сыскать?
Тутъ выскочилъ черный котъ изъ угла
И закричалъ: Какъ? Молли Грей умерла?
Прощайте. Пусть Богъ вамъ счастье пошлетъ...
И прыгнувъ въ окошко черный котъ.
Динь-донъ, динь-донъ, динь-динь-донъ,
Похоронный утромъ несется звонъ.
Десять юношей въ черныхъ плащахъ
Бѣлый гробъ несутъ на плечахъ.
— Кого хоронять? — Томъ спросилъ
У Сэма уборщика могиль.

— Никто не слыхалъ здѣсь раньше о ней,
Зовется она Молли Грей.

И юношей этихъ не знаю совсѣмъ, —

Отвѣтилъ Тому уборщикъ Сэмъ.

И плюнулъ съ досады. А Томъ молчалъ.

Ни слова Сэму онъ не сказалъ.

Я слышала въ дѣтствѣ много разъ

Простонародный этотъ рассказъ,

И плѣнилъ онъ навѣки душу мою:

Вѣдь, я тоже Робертъ Пентегью,

• Прожила я такъ много кошачьихъ дней,

Когда же умретъ моя Молли Грей?

НИК. ОЦУПЪ

П Ъ Т У Х Ъ

Сонетъ

Летимте, души, къ молчаливымъ совамъ:
Среди крестовъ и надписей, въ тѣни,
Мерцають негасимые огни
Округлыхъ глазъ надъ погребеннымъ словомъ!

— Нѣтъ, страшно намъ на кладбищѣ суровомъ,
Нѣтъ, соловьинымъ голосомъ мани
Туда, гдѣ перламутровые дни,
Гдѣ сердце зрѣеть розаномъ пунцовымъ!

— Хотите лжи надъ горемъ и грѣхомъ?
Но свыше голосъ Вифлеемской силы:
— Вѣщай восходъ предутреннимъ стихомъ,

Не будь совой, подругою могилы,
Ни соловьемъ, чьи пѣсни лѣтомъ милы,
А пестрымъ звонкогорлымъ пѣтухомъ!

ЗВѢЗДНЫЙ КОТЕЛЪ

Синій супъ въ звѣздномъ котлѣ,
Облаковъ лимонныя рощи,
А на маленькой круглой землѣ
Бдетъ жучокъ — извозчикъ . . .
„Погоняй, извозчикъ, скорѣй . . .
Направо . . . у тѣхъ дверей! . . .“

„Дай-ка сдачи! Ну же, проснись! . . .“
Фонари у наряднаго стойла,
Но клячонка глянула ввысь
И хлебнула небеснаго пойла . . .
Сдачи? Неуловима, нѣтъ,
Еле зримаая пыль монеть!

Только бы устоять на вѣтру,
Сдунеть, сдунеть, съ земли покатою
Въ синюю, какъ море, дыру
Съ западной каймой розоватою . . .
Тонеть, тонеть въ котлѣ золотомъ
Мой извозчикъ съ тонкимъ кнутомъ!

Вотъ еще колея и грязь —
Все слѣды осенняго плача —
Но мелькнули спицы, взнесясь,
Какъ комарикъ пискнула кляча . . .
Я одинъ на гладкой землѣ —
Крошка хлѣбная на столѣ.

Больше не вздремнетъ у воротъ
Мой неуслѣдимый извозчикъ,
Звѣздочету ли брань пошлетъ
Въ телескопъ голодный и тощій?
Чуть примѣтна колесъ стезя . . .
Вѣрно и въ телескопъ нельзя? . .

Улетай, улетай, улетай!
Устою ли, къ дверямъ прижатый?
Какъ песчинка самъ невзначай
Пролечу по землѣ покатою,
Словно сахаръ въ горячей мглѣ
Распущусь въ золотомъ котлѣ.

С О Н Ъ

Я проснулся, крича отъ страха,
И подушку и одѣяло
Долго трогаль руками, чтобы
Снова хоботь его съ размаха
Не швырнулъ меня прямо въ небо
Или въ сумракъ черной утробы.
Никого съ такими клыками
И съ такими злыми глазами
Я не видѣль, о, я не видѣль,
И такого темнаго лѣса
И такого чернаго страха
Я не вѣдалъ, о, я не вѣдалъ.
Я зажегъ свѣчу и поставилъ
Трепетно къ изголовью . . .
Чтобы утишить бѣенье сердца
Взялъ трактатъ о римскомъ правѣ
И раскрылъ его на „условьи
Дѣйствительной купли-продажи“.
Я пошелъ и жены, спокойно
Спавшей, волосы поцѣлуемъ
Шевельнулъ и вернулся тихо,
Но едва задремалъ я, бурно

Зазмѣвился песокъ, волнуемъ
Винтообразнымъ вѣтромъ.
Длинношеюю голову скрылъ я,
И мою двугорбую спину
Охватило вѣтромъ свистящимъ
И отъ свиста сталъ я змѣвиться
И поползъ, удавомъ, въ долину
И проснулся вновь настоящимъ.
Но подумалъ, строгій и гордый:
То далекой памяти море
Мнѣ послало терпкія волны.
Разрывая тѣла и морды,
Море памяти мнѣ отворить
Настоящее счастье жизни.

О С Е Н Ъ

1

Осень осыпаетъ листья —
Отмѣнили трамвайные билеты.
Пороша по первопутку —
Нафталинъ отрясается съ шубы,
Ее достаютъ изъ краснаго
Сундука, гдѣ она лежала лѣтомъ —
Даже заяцъ къ зимѣ красить шкуру!
Слишкомъ долго домовъ не чинили —
Оползаютъ песчанья дюны,
Осыпается штукатурка —
Вѣтеръ времени стѣны обвѣтрилъ —
 Это осень, Елена!
Я спѣшу въ осеннемъ трамваѣ,
Онъ осыпалъ листья билетовъ,
И стоитъ кондукторъ, какъ дерево
Голое подъ влажнымъ вѣтромъ.
Покрывая птичій дискантъ
И позваниванья трамвая,

Слѣва ухнулъ каменный басъ:
„Ты скажи, домъ Зингера съ шаромъ
Прозрачнымъ на рукахъ у женщинъ
Надъ стекломъ и желѣзомъ крыши,
Любишь ли ты позднюю осень?“
И съ пролета передней площадки
Гранитный домъ Вавельберга
Мнѣ сверкнулъ озерами стеколъ
Зеркальныхъ съ переливами такими,
Какъ на глади озеръ Женевскихъ,
Когда въ ихъ холодѣ зыбкомъ
Радуга изогнется.
Я услышалъ отвѣтъ, Елена:
„Мы ничѣмъ не хуже Монблана,
Можетъ быть, поменьше и только,
Жаль тебѣ осеняго снѣга?
Пусть и наши кряжи бѣлѣютъ!
Есть архангелы-небоскребы
Въ райскихъ кущахъ Нью-Йорка —
Эти не чета Гималаямъ:
Поживѣй каскадовъ брюзгливыхъ
Освѣжаютъ ихъ паровозы —
На плато бетонныхъ площадокъ
Садятся гарпіи — птицы —
И проглатываютъ шумъ и вѣтеръ
Стальными клювами — винтами!
Мы печами дѣлаемъ лѣто.
Въ нашихъ раковинахъ плачетъ осень!

И я слышала, гдѣ-то на Охтѣ
Фабрика одобрительно завывала
Протяжнымъ гудкомъ вечернимъ;
„Да, мы лучше горь сотворенныхъ
Косолапымъ отцомъ Вселенной!“
А дома вздохнули такъ громко,
Какъ пролетный вѣтеръ въ ущельѣ
Вздохами морского прибоя.
Вѣтеръ распластался словами:
„Для Поэта, Бога и Неба
Одинаковы и безсмертны
Зданія и снѣжные кряжи,
Улицы и легкія рѣки,
Листопадъ, отмѣна билетовъ,
Нафталиновый снѣгъ и пороша!“
Такъ я встрѣтилъ осень, Елена!

2

Ты не слышала тяжкихъ камней,
Только вѣтеръ съ моря коснулся
Ситцевыхъ занавѣсокъ бѣлыхъ
Въ окнѣ деревяннаго дома
Противъ Тучкова Буяна.
Ты томилась встрѣчей осенней,
И дрожью милой газели

Трепетало легкое тѣло
Съ родинкой на лѣвой груди!
Жаль, что утромъ плохо кормили
Голубымъ электрическимъ сѣномъ
Добрые стада трамваевъ
И они отъ голода стали,
Грустно глядя другъ другу подъ номеръ.
Мнѣ пришлось по талому снѣгу
Хлюпая, пѣшкомъ пробираться
Къ этой густолиственной сѣни
Голубыхъ съ цвѣтами обоевъ,
Къ шелковой муравѣ дивана!
Нацѣди изъ ключа кувшина
Мнѣ холодной влаги: усталъ я,
Пробираясь къ милой дубравѣ.
Ахъ, костеръ развела ты въ печкѣ!
Сядемъ на полъ, красный отъ свѣта,
Дай мнѣ руки: осень шагаетъ
По зеленымъ Невскимъ зыбямъ,
А мы съ тобою, какъ будто
Негръ и негритянка
Подъ лѣтнимъ потолкомъ неба
У костра африканской луны.
Вѣдь для негра мускусный запахъ
Кожи милой и шлепающіе губы —
Такая же дорога къ безсмертью,
Какъ для меня завитокъ волосъ
Твоихъ — за коралловымъ ухомъ;

Гдѣ кожа такъ душно пахнетъ,
Какъ дорожки Лѣтняго сада:
Червонной вервеной листьевъ,
Въ холодѣющемъ вѣтрѣ поэмъ,
Осеннихъ поэмъ,
Елена!

ВСЕВОЛОДЪ РОЖДЕСТВЕНСКІЙ

На палубѣ разбойничьяго брига
Лежалъ я, истомленный лихорадкой,
И пить просилъ. А бѣлокурый юнга,
Швырнувъ недопитой бутылкой въ чайку,
Легко перешагнулъ черезъ меня.
Тяжелый полдень прожигалъ мнѣ вѣки,
Я жмурился отъ блеска желтыхъ досокъ,
Гдѣ быстро высыхала лужа крови,
Которую мы не успѣли вымыть
И отскоблить заржавленнымъ ножомъ,
Неповоротливый и сладко липкій
Языкъ заткнулъ меня, какъ пробка флягу,
И тщетно я ловилъ хоть каплю влаги,
Хоть слабое дыханіе банановъ,
Летящее съ проклятыхъ острововъ.
Измученный, я начинаю бредить,
И снится мнѣ, что снѣгъ идетъ въ Бретани,
И Жанъ, постукивая деревяшкой,
Плетется въ старую каменоломню,
А въ церкви слѣпнетъ узкое окно.

БАЛЛАДА

Это было въ глухое время,
Наяву ли, во снѣ — не знаю,
Ночью ставилъ я ногу въ стремя
И давалъ жеребцу поводья.

А когда выгибалъ онъ шею,
Какъ я билъ его толстой плетью,
Какъ боялся, что не успѣю
Перегнать грозовую темень!

Но земля широко стонала,
Отражая насъ гулкой грудью,
Чаще звѣздное опахало,
Развиваясь, роняло перья.

О, скорѣе, не опоздать бы!
Я кричу, я глотаю вѣтеръ.
Это ночь нашей страшной свадьбы
Съ той, которой сейчасъ не спится.

Если въ башнѣ огонь зеленый,
Если выйдетъ она навстрѣчу,
Мнѣ не надо моей короны,
Отъ меня отступился дьяволъ.

Въ тѣ времена дворянскихъ привилегій
Уже не уважали санкюлоты.
Какіе-то сапожники и воры
Прикладомъ раздробили двери спальни
И увезли меня въ Консьержери.

Для двадцатидвухлѣтняго повѣсы
Невыгодно знакомство съ гильотиной,
И я уже припомнилъ „Pater Noster“,
Но дочь тюремщика за пять червонцевъ
И поцѣлуй мнѣ уронила ключъ.

Какъ провезли друзья черезъ заставу
Запрятаннаго въ кирасирскомъ сѣнѣ,
Въ полубреду — рассказывать не стоитъ,
А штыкъ національнаго гвардейца
Едва не оцарапалъ мнѣ щеки.

Купцомъ, ветеринаромъ и аббатомъ
Я странствовалъ. Ниспровергалъ въ тавернахъ
Высокомъриѣ Луи Капета,
Пилъ за республику, какъ другъ Конвента —
(Тогда еще не умеръ Мирабо).

Хотѣлъ съ попутчикомъ бѣжать въ Вандею,
Но — мнѣ претитъ мятежное безчинство,
Я предпочелъ испанскую границу,
Гдѣ можно подкупить контрабандистовъ
И миновать кордонные посты.

И вотъ однажды, повстрѣчавъ карету . . .
(Что увлекательнѣе приключеній,
Которыя читаешь словно въ книгѣ?)
Увидѣлъ я . . . Благодарю васъ внучка,
Какое превосходное вино!

ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

ГОСПОЖА СКЛОКА

Имя странное чуть слышу,
Говорить едва дыша,
Точно дождь упаль на крышу,
Соромъ брошеннымъ шурша.
Я — медлительная Склока.
Знаю, знаю, кто она,
Та, что мучить насъ жестоко,
Такъ угрюма и темна.
— Ждешь ли пѣсни лебединой? —
Жду съ надеждой, госпожа.
— Лебедь стонетъ предъ кончиной. —
Знаю, знаю, госпожа.
Ворожить и я умѣю.
Что за мудрость ворожба?
Если ночью вѣрить смѣю,
Что мнѣ темная судьба?
Пусть приходитъ, пусть уноситъ
Все, чѣмъ жизнь моя свѣтла,
Плѣнь душа охотно бросить,
Устремляясь, какъ стрѣла.

— Но боишься? Но трепещешь? —

Да, боюсь, госпожа.

— Душу каплями расплещешь? —

Знаю, знаю, госпожа.

СОНЪ ПОХОРОНЪ

Зломъ и тоской истомленный,
Видѣлъ я сонъ,
Кѣмъ, я не знаю, внушенный,
Сонъ похоронъ.
Мертвый лежалъ я въ пустынь,
Мертвой, какъ я.
Небо томительно сине.
Въ небѣ горѣла Змѣя.
Тѣло недвижимое тѣло,
Тѣніе — жгучая боль,
И подо мною хрустѣла,
Въ тѣло впиваяся, соль,
И надъ безмолвной пустыней
Злая Змѣя
Смрадной, раздутой и синею
Падающею тѣла, какъ я.
Къ позолоченной могилѣ
Ладанно-мертвой земли
Въ облакѣ пламенной пыли
Мглистые кони влекли
Огненный грузъ колесницы,
И надо мной

Съ тѣла гніющей царицы
Падалъ расплавленный зной.
Зломъ и тоской истомленный,
Видѣлъ я сонъ,
Дьяволомъ, Богомъ внушенный?
Сонъ похоронъ.

СТАТЬИ

АНАТОМІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

Среди многочисленныхъ формулъ, опредѣляющихъ существо поэзіи, выдѣляются двѣ, предложенныя поэтами же, задумывавшимися надъ тайнами своего ремесла. Формула Кольриджа гласить: „Поэзія есть лучшія слова въ лучшемъ порядкѣ“. И формула Теодора де-Банвиля: „Поэзія есть то, что сотворено и, слѣдовательно, не нуждается въ передѣлкѣ“. Обѣ эти формулы основаны на особенно ясномъ ощущеніи законовъ, по которымъ слова вліяютъ на наше сознаніе. Поэтомъ является тотъ, кто учтетъ всѣ законы, управляющіе комплексомъ взятыхъ имъ словъ. Учитывающій только часть этихъ законовъ будетъ художникомъ-прозаикомъ и не учитывающій ничего, кромѣ идейнаго содержанія словъ и ихъ сочетаній, будетъ литераторомъ, творцомъ дѣловой прозы. Перечисленіе и классификація этихъ законовъ составляетъ теорію поэзіи. Теорія поэзіи должна быть дедуктивной, не основанной только на изученіи поэтическихъ произведеній, подобно тому, какъ

механика объясняетъ различныя сооружеія, а не только описываетъ ихъ. Теорія же прозы (если таковая возможна) можетъ быть только индуктивной, описывающей приемы тѣхъ или иныхъ прозаиковъ, иначе она сольется съ теоріей поэзіи.

Кромѣ того, по опредѣленію Потебни, поэзія есть явленіе языка или особая форма рѣчи. Всякая рѣчь обращена къ комунибудь и содержитъ нѣчто, относящееся какъ къ говорящему, такъ и къ слушающему, причемъ послѣднему говорящій приписываетъ тѣ или иные свойства, находящіяся въ немъ самомъ. Человѣческая личность способна на безконечное дробленіе. Наши слова являются выраженіемъ лишь части насъ, одного изъ нашихъ ликовъ. О своей любви мы можемъ рассказать любимой женщинѣ, другу, на судѣ, въ пьяной компаніи, цвѣтамъ, Богу. Ясно, что каждый разъ нашъ рассказъ будетъ инымъ, такъ какъ мы мѣняемся въ зависимости отъ обстановки. Съ этимъ тѣсно связано такое же многообразіе слушающаго, такъ какъ мы обращаемся тоже лишь къ нѣкоторой его части. Такъ, обращаясь къ морю, мы можемъ отмѣтить его родственность намъ, или, наоборотъ, отчужденность, приписать ему заботу о насъ, равнодушіе или враждебность. Описаніе моря съ фольклористической, живописной, геологической точки зрѣнія, часто связанное съ обращеніемъ, сюда

не относится, такъ какъ явно, что обращенье здѣсь лишь пріемъ, и подлинный собесѣдникъ — нѣкто иной.

Такъ какъ въ каждомъ обращеніи есть нѣкоторое волевое начало, то поэтъ для того, чтобы его слова были дѣйственными, долженъ ясно видѣть соотношенье говорящаго и слушающаго и чувствовать условія, при которыхъ связь между ними дѣйствительно возможна. Это является предметомъ поэтической психологіи.

Въ каждомъ стихотвореніи обѣ эти части общей поэтики дополняютъ одна другую. Теорія поэзіи можетъ быть сравнена съ анатоміей, а поэтическая психологія съ физиологіей. Стихотвореніе же это живой организмъ, подлежащій разсмотрѣнію: и анатомическому и физиологическому.

Теорія поэзіи можетъ быть раздѣлена на четыре отдѣла: фонетику, стилистику, композицію и эйдолологію. Фонетика изслѣдуетъ звуковую сторону стиха, ритмы, т. е. смѣну повышеній и пониженій голоса, инструментовку, т. е. качество и связь между собою различныхъ звуковъ, науку объ окончаніяхъ и науку о рифмѣ съ ея звуковой стороны.

Стилистика разсматриваетъ впечатлѣніе, производимое словомъ въ зависимости отъ его происхожденія, возраста, принадлежности къ той или иной грамматической категоріи, мѣста во фразѣ, а также группой словъ, составляю-

щихъ какъ бы одно цѣлое, на примѣръ, сравненіемъ, метафорой и пр.

Композиція имѣетъ дѣло съ единицами идейнаго порядка и изучаетъ интенсивность и смѣну мыслей, чувствъ и образовъ, вложенныхъ въ стихотвореніе. Сюда же относится и ученіе о строфахъ потому что та или иная строфа оказываетъ большое вліяніе на ходъ мысли поэта.

Эйдологія подводитъ итогъ темамъ поэзіи и возможнымъ отношеніямъ къ этимъ темамъ поэта.

Каждый изъ этихъ отдѣловъ незамѣтно переходитъ въ другой, а эйдологія непосредственно примыкаетъ къ поэтической психологіи. Разграничительныхъ линій провести нельзя, да и не надо. Въ дѣйствительно великихъ произведеніяхъ поэзіи всѣмъ четыремъ частямъ уделено равное вниманіе, они взаимно дополняютъ одна другую. Таковы поэмы Гомера, такова Божественная Комедія. Крупныя поэтическія направленія обыкновенно устремляютъ особое вниманіе на два какіе-нибудь отдѣла, объединяя ихъ между собой и оставляя въ тѣни два другихъ. Меньшія выдѣляютъ лишь одинъ отдѣлъ, иногда даже одинъ какой-нибудь пріемъ, входящій въ его составъ. Укажу кстати, что возникшій въ послѣдніе годы акмеизмъ выставляетъ основнымъ требованіемъ равномерное вниманіе ко всѣмъ четыремъ отдѣламъ. Того же требованія придерживаются и французскіе

поэты, составлявшіе распавшуюся нынѣ группу **Абауе**.

Попробуемъ произвести опытъ такого четверного разбора на матеріалѣ, взятомъ изъ области конденсированной поэзіи, которой является богослуженіе. Діонисій Ареопагитъ рассказываетъ, что ангелы, славословя Бога, восклицаютъ: аллилуйа, аллилуйа, аллилуйа. Василій Великій объясняетъ, что это на человѣческомъ языкѣ означаетъ: Слава Тебѣ, Боже!¹⁾ Наши старообрядцы поютъ: Аллилуйа, аллилуйа, слава Тебѣ, Боже! У православныхъ слово аллилуйа повторено три раза. Отсюда большой споръ.

Въ фонетическомъ отношеніи мы видимъ въ пѣніи старообрядцевъ одну строчку семи-стопнаго хорей съ цезурой послѣ четвертой стопы, размѣра цѣльнаго и по взволнованности своей вполнѣ отвѣчающаго назначенію; у православныхъ девятистопный хорей неминуемо распадается на двѣ строки, шестистопную и трехстопную, благодаря чему цѣльность обращенія пропадаетъ. Къ тому же, такъ какъ при смежности строкъ длинной и короткой мы всегда стремимся уравнивать наше впечатлѣніе отъ нихъ, выдѣляя короткую и затушевывая длинную, то ангельскіе слова получаютъ характеръ какого-то припѣва, дополненія къ человѣческимъ, а не равнозначущи съ нимъ.

¹⁾ Передаю это по протопопу Аввакуму и отвѣтственность за возможную ошибку возлагаю на него.

Въ стилистическомъ отношеніи въ старой редакціи мы наблюдаемъ правильную замѣну чужого слова роднымъ, какъ на примѣръ, во фразѣ: „avez-vous vu тетю Машу?“ тогда какъ въ новой „слава Тебѣ, Боже!“ является совершенно ненужнымъ переводомъ, вродѣ: приходите къ намъ на five o'clock въ пять часовъ.

Въ композиціонномъ отношеніи старая редакція опять таки имѣетъ преимущество, благодаря своей трехчленности, гораздо болѣе свойственной нашему сознанию, чѣмъ четырехчленность новой редакціи.

И въ эйдолологическомъ отношеніи мы чувствуемъ въ старой редакціи обращеніе порознь ко всѣмъ лицамъ Пресвятой Троицы, тогда какъ въ новой четвертое обращеніе относится неизвѣстно къ кому.

Будемъ вѣрить, что наступитъ время, когда поэты станутъ взвѣшивать каждое свое слово съ той же тщательностью, какъ и творцы культовыхъ пѣснопѣній.

Н. Гумилевъ

СЛОВО И КУЛЬТУРА

Трава на петербургскихъ улицахъ — первые побѣги дѣвственнаго лѣса, который покроетъ мѣсто современныхъ городовъ. Эта яркая, нѣжная зелень, свѣжестью своей удивительная, принадлежитъ новой одухотворенной природѣ. Воистину Петербургъ самый передовой городъ міра. Не мэтрополитеномъ, не небоскребомъ измѣряется бѣгъ современности: скорость, а веселой травкой, которая пробивается изъ подъ городскихъ камней.

Наша кровь, наша музыка, наша государственность — все это найдетъ свое продолженіе въ нѣжномъ бытіи новой природы, природы-Психеи. Въ этомъ царствѣ духа безъ чело-вѣка каждое дерево будетъ дріадой, а каждое явленіе будетъ говорить о своей метаморфозѣ.

Остановить? Зачѣмъ? Кто остановитъ солнце, когда оно мчится на воробьиной упряжи въ отчій домъ, обуянное жаждой возвращенія? Не лучше ли подарить его дифирамбомъ, чѣмъ вымаливать у него подачки?

Не понималъ онъ ничего
И слабъ и робокъ былъ, какъ дѣти,
Чужіе люди для него
Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣти...

Спасибо вамъ, „чужіе люди“, за трогательную заботу, за нѣжную опеку надъ старымъ міромъ, который уже „не отъ міра сего“, который весь ушелъ въ чайнѣе и подготовку къ грядущей метаморфозѣ:

Cum subit illius tristissima noctis imago,
Quae mihi supremum tempus in urbe fuit,
Cum repeto noctem, qua tot mihi cara reliqui,
Labitur ex oculis nunc quoque gutta meis.

Да, старый міръ — „не отъ міра сего“, но онъ живъ болѣе чѣмъ когда-либо. Культура стала церковью. Произошло отдѣленіе церквикокультуры отъ государства. Свѣтская жизнь насъ больше не касается, у насъ не ѣда, а трапеза, не комната, а келья, не одежда, а одѣяніе. Наконецъ мы обрѣли внутреннюю свободу, настоящее внутреннее веселье. Воду въ глиняныхъ кувшинахъ пьемъ какъ вино и солнцу больше нравится въ монастырской столовой, чѣмъ въ ресторанѣ. Яблоки, хлѣбъ, картофель — отнынѣ утоляютъ не только физическій но и ду-

ховный голодъ. Христiанинъ, а теперь всякій культурный человекъ — христiанинъ, не знаетъ только физическаго голода, только духовной пищи. Для него и слово плоть и простой хлѣбъ — веселье и тайна.

Соціальныя различія и классовыя противоположности блѣднѣютъ передъ раздѣленіемъ нынѣ людей на друзей и враговъ слова. Подлинно агнцы и козлища. Я чувствую почти физически нечистый козлиный духъ, идущій отъ враговъ слова. Здѣсь вполне уместенъ аргументъ приходящій послѣднимъ при всякомъ серьезномъ разногласіи: мой противникъ дурно пахнетъ.

Отдѣленіе культуры отъ государства наиболѣе значительное событіе нашей революціи. Процессъ обмирщенія государственности не остановился на отдѣленіи церкви отъ государства, какъ его понимала французская революція. Соціальный переворотъ принесъ болѣе глубокую секуляризацію. Государство нынѣ проявляетъ къ культурѣ то своеобразное отношеніе, которое лучше всего передаетъ терминъ терпимость. Но въ то же время намѣчается и органической типъ новыхъ взаимоотношеній, связывающій государство съ культурой наподобіе того, какъ удѣльные князья были связаны съ монастырями. Князья держали монастыри для

с о в ѣ т а. Этимъ все сказано. Въположность государства по отношенію къ культурнымъ цѣнностямъ ставитъ его въ полную зависимость отъ культуры. Культурныя цѣнности окрашиваютъ государственность, сообщаютъ ей цвѣтъ, форму и, если хотите, даже полъ. Надписи на государственныхъ зданіяхъ, гробницахъ, воротахъ страхуютъ государство отъ разрушенія времени.

Поэзія, плугъ, взрывающій время такъ, что глубинные слои времени, его черноземъ оказываются сверху. Но бываютъ такія эпохи, когда человечество, не довольствуясь сегоднешнимъ днемъ, тоскуя по глубиннымъ слоямъ времени, какъ пахарь, жаждетъ цѣлины временъ. Революція въ искусствѣ неизбежно приводитъ къ классицизму. Не потому, что Давидъ снялъ жатву Робеспьера, а потому что такъ хочетъ земля.

Часто приходится слышать: это хорошо, но это вчерашній день. А я говорю: вчерашній день еще не родился. Его еще не было по-настоящему. Я хочу снова Овидія, Пушкина, Катулла и меня не удовлетворяетъ историческій Овидій, Пушкинъ, Катулъ.

Удивительно, въ самомъ дѣлѣ, что все возьтятся съ поэтами и никакъ съ ними не развяжутся. Казалось бы — прочель и ладно. Преодолѣлъ, какъ теперь говорятъ. Ничего подобнаго. Серебряная труба Катулла:

Ad claras Asiae volemus urbes

мучить и тревожить сильнѣе, чѣмъ любая футуристическая загадка. Этого нѣтъ по-русски. Но вѣдь это должно быть по-русски. Я взялъ латинскіе стихи потому, что русскимъ читателемъ они явно воспринимаются, какъ категорія долженствованія; императивъ звучитъ въ нихъ нагляднѣе. Но это свойство всякой поэзіи, поскольку она классична. Она воспринимается какъ то, что должно быть, а не какъ то, что уже было.

Итакъ, ни одного поэта еще не было. Мы свободны отъ груза воспоминаній. Зато сколько рѣдкостныхъ предчувствій: Пушкинъ, Овидій, Гомеръ. Когда любовникъ въ тишинѣ путается въ нѣжныхъ именахъ и вдругъ вспоминаетъ, что это уже было: и слова и волосы и пѣтухъ, который прокричалъ за окномъ, кричалъ уже въ Овидіевыхъ тристіяхъ, глубокая радость повторенья охватываетъ его, головокружительная радость:

Словно темную воду, я пью помутившійся
воздухъ,
Время вспахано плугомъ и роза землею была.

Такъ и поэтъ не боится повтореній и легко пьянѣетъ классическимъ виномъ.

То, что вѣрно объ одномъ поэтѣ, вѣрно обо всѣхъ. Не стоитъ создавать никакихъ школъ
Не стоитъ выдумывать своей поэтики.

Аналитическій методъ въ примѣненіи къ слову, движенію и формѣ вполне законный и искусный пріемъ. Въ послѣднее время разрушеніе сдѣлалось чисто формальной предпосылкой искусства. Распадъ, тлѣніе, гніеніе — все это еще *décadence*. Но декаденты были христіанскіе художники, своего рода послѣдніе христіанскіе мученики. Музыка тлѣнія была для нихъ музыкой воскресенія. *Chaconne* Бодлэра высокой примѣръ христіанскаго отчаянія. Совсѣмъ другое дѣло сознательное разрушеніе формы. Безболѣзненный супрематизмъ. Отрицаніе лица явленій. Самоубійство по расчету, любопытства ради. Можно разобрать, можно и сложить: какъ будто испытывается форма, а на самомъ дѣлѣ гніеть и разлагается духъ (кстати, назвавъ Бодлэра, мнѣ хотѣлось бы помянуть его значеніе, какъ подвижника, въ самомъ подлинномъ христіанскомъ смыслѣ слова: *martyre*.)

Въ жизни слова наступила героическая эра. Слово — плоть и хлѣбъ. Оно раздѣляетъ участь

хлѣба и плоти: страданіе. Люди голодны. Еще голоднѣе государство. Но есть нѣчто болѣе голодное: время. Время хочетъ пожрать государство. Какъ трубный гласъ звучитъ угроза, нацарапанная Державинымъ на грифельной доскѣ. Кто подниметъ слово и покажетъ его времени, какъ священникъ евхаристію — будетъ вторымъ Іисусомъ Навиномъ. Нѣтъ ничего болѣе голоднаго, чѣмъ современное государство, а голодное государство страшнѣе голоднаго человѣка. Состраданіе къ государству, отрицающему слово — общественный путь и подвигъ современнаго поэта.

Прославимъ роковое бремя,
Которое въ слезахъ народный вождь беретъ.
Прославимъ власти сумрачное бремя,
Ея невыносимый гнетъ.
Въ комъ сердце есть, тотъ долженъ слышать,
время,
Какъ твой корабль ко дну идетъ . . .

Не требуйте отъ поэзіи сугубой вещности, конкретности, матеріальности. Это тотъ же революціонный голодь. Сомнѣніе Θомы. Къ чему обязательно осязать перстами? А главное, зачѣмъ отождествлять слово съ вещью, съ травой, съ предметомъ, который оно обозначаетъ?

Развѣ вещь хозяинъ слова? Слово Психея. Живое слово не обозначаетъ предметы, а сво-

бодно выбираетъ, какъ бы для жилья, ту или иную предметную значимость, вещьность, милое тѣло. И вокругъ вещи слово блуждаетъ свободно, какъ душа вокругъ брошеннаго, но не забытаго тѣла.

То, что сказано о вещьности, звучитъ нѣсколько иначе въ примѣненіи къ образности;

Prends l'éloquence et tords lui le cou!

Пиши безобразные стихи, если сможешь, если сумѣешь. Слепой узнаетъ милое лицо едва прикоснувшись къ нему зрячими перстами, и слезы радости, настоящей радости узнаванья, брызнуть изъ глазъ его послѣ долгой разлуки. Стихотвореніе живо внутреннимъ образомъ, тѣмъ звучащимъ слѣпкомъ формы, который предваряетъ написанное стихотвореніе. Ни одного слова еще нѣтъ, а стихотвореніе уже звучитъ. Это звучитъ внутренній образъ, это его осязаетъ слухъ поэта.

И сладокъ намъ лишь узнаванья мигъ!

Нынѣ происходитъ какъ бы явленіе глоссолатіи. Въ священномъ изступленіи поэты говорятъ на языкѣ всѣхъ временъ, всѣхъ культуръ. Нѣтъ ничего невозможнаго. Какъ комната умирающаго открыта для всѣхъ, такъ дверь стараго міра настежь распахнута передъ толпой. Внезапно все стало достояніемъ общимъ. Идите и берите. Все доступно: всѣ лабиринты, всѣ тайники, всѣ заповѣдные ходы. Слово стало не семиствольной, а тысячествольной цѣвницей,

оживляемой сразу дыханьемъ всѣхъ вѣковъ. Въ глоссолаліи самое поразительное, что говорящій не знаетъ языка, на которомъ говоритъ. Онъ говоритъ на совершенно неизвѣстномъ языкѣ. И всѣмъ и ему кажется, что онъ говоритъ по-гречески или по-халдейски. Нѣчто совершенно обратное эрудиціи. Современная поэзія, при всей своей сложности и внутренней искищенности, наивна:

Ecoutez la chanson grise

Синтетическій поэтъ современности представляется мнѣ не Верхарномъ, а какимъ-то Верленомъ культуры. Для него вся сложность стараго міра та же пушкинская цѣвница. Въ немъ поютъ идеи, научныя системы, государственныя теоріи такъ же точно, какъ въ его предшественникахъ пѣли соловьи и розы. Говорятъ, что причина революціи — голодъ въ междупланетныхъ пространствахъ. Нужно разсыпать пшеницу по эфиру.

Классическая поэзія — поэзія революціи.

О. Мандельштамъ

О Г Л А В Л Е Н И Е

С Т И Х И

	стр.
Г. АДАМОВИЧЪ „Нѣтъ, ты не говори...”	11
А. БЛОКЪ Сфинксъ.	12
„Смолкали и говоръ, и шутки...”	13
Н. ГУМИЛЕВЪ Слово.	15
Лѣсъ.	17
Поэма Начала.	19
М. ЗЕНКЕВИЧЪ Встрѣча осени.	31
Въ маѣ.	33
Г. ИВАНОВЪ „Изъ облака...”	34
„Мы дышимъ предчувствіемъ...”	36
„Холодѣть осеннее солнце...”	37
М. КУЗМИНЪ „У всѣхъ одинаково...”	38
М. ЛОЗИНСКІЙ „Тебѣ ль не пѣть...”	39
О. МАНДЕЛЬШТАМЪ Tristia.	42
Черепаша.	44
С. НЕЛЬДИХЕНЪ Праздникъ.	46
И. ОДОЕВЦЕВА Робертъ Пентегью.	51
Н. ОЦУПЪ Пѣтухъ.	54
Звѣздный котель.	55
Сонъ.	57
Осень.	59

	стр.
В. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ „На палубѣ...“	64
Баллада.	65
„Въ тѣ времена.“	67
Ө. СОЛОГУБЪ Госпожа Склока.	69
Сонъ похоронъ.	71

С Т А Т Ь И

Н. ГУМИЛЕВЪ Анатомія стихотворенія.	75
О. МАНДЕЛЬШТАМЪ Слово и культура.	81